

Риторика как постнеогуманитарная парадигма

В. М. Галкин

Трудности обнаружения парадигматических элементов гнозиса и логоса, задаваемых к выявлению в постпозиции современности, обусловлены, прежде всего, постановкой этой задачи в условиях нахождения внутри ситуации "смены парадигм". Именно текучесть, незавершенность этого процесса предполагает провокацию принятия любым из участвующих в нём агентов парадигматических характеристик. Среди обладающих таковыми называют новую нетрадиционную религию, синергетику, искусственный интеллект, неориторику или неформальную логику, новую метафизику, теорию информации. Отличительными чертами приведённого списка являются его незавершенность, нетрадиционность и неклассичность.

Сплошь и рядом высказываемые негации фиксируют потерю современной антропологией и, если взять культурологически шире, современной гуманитаристикой своей в классическом смысле принятой предметной отнесённости. Полутысячелетняя практика следования логоцентристской фабуле мышления заменяется подходом, согласно которому сам термин "человек", берущийся к использованию в пределах постнеклассической дискурсивности, должен быть приписан к семейству пустых имён. В результате последовательно осуществлённых попыток рационализации (способами формализации, натурализации, верификации, редукции и др.) его экстенциональное наполнение, определённое в формах до- и классического мышления, было по сути элиминировано, "вымыто". Взамен теперь приходится строить метафоры о "машине желания", "симулякре", "животном, разумно действующим словом" или ассоциировать синергетические комплексы архетипов. Сейчас можно более или менее уверенно говорить, чем человек *не является*. Во многих случаях вписывание предметов, принятых и предлагаемых к обозначению именем "человек", в объём понятия "homo sapiens" не может не производить в начале XXI века впечатления иррационального действия. Современный читатель или слушатель, внимая интригующим декларациям об искусственном интеллекте, легко может отнестись к транскрипции, скажем, Спинозовского "мыслящего тела" и тела, обладающего "личным компьютером". Так или иначе, выражение "человек" сегодня звучит достаточно неопределённо. По-видимому, поэтому массовое сознание демонстрирует толерантность к прокламируемым "перспективам человека", рисуемым в виде "клона" или "виртуального существа", рождающихся (!) способами генетически инструментального отбора и конструирования или оцифровывания своего или чужого генотипа и живущих (!) посредством "смены и перемены тела".

Вместе с тем, среди всех пока ещё только проблематически задаваемых агентов, участвующих в очевидно направленном к парадигмальному сдвигу процессе нахождения постсовременных продуктивных стратегий получения знания, есть, по крайней мере, два, исторически предзаданных. Разными комбинациями взаимодействия этих агентов, изначально проявивших свои парадигматические амбиции – это всё более заявляется в постнеклассически строящихся метатеоретических высказываниях – и определяется, собственно, та или иная устойчивая и принятая к утверждению стратегия, зафиксированная в письменно прописанных исторических нарративах. Это – философия и риторика.

По разным причинам сложившееся и укоренившееся в своих западноевропейских классических образцах представление (окончательно закреплённое, по-видимому, Гегелем в своей истории философии) о древнегреческой философии как о вообще единственном источнике рациональности, сегодня может культивироваться и предлагаться к дальнейшему культивированию лишь проблематически. Современные классически и неклассически выполненные исторические реконструкции ситуации "вхождения в древнегреческий полис и

нахождения внутри него" все больше заставляют отказать этому представлению в адекватности, тем более, в его аутентичности [1, с. 306-307]. В качестве примера таких реконструкций можно привести классические работы А.И. Доватура, известные капитальные и систематические исследования А.Ф. Лосева, с. С. Аверинцева, коллективный труд "Античность как тип культуры" и специальные описания античных ситуаций и комментарии к ним М.Л. Гаспарова. В предисловии к изданию первого перевода на русский язык трёх признанных классических трактатов Цицерона об ораторском искусстве М.Л. Гаспаров ещё в 1972 г. сделал вывод: "Отныне вся духовная жизнь античности была заключена между этими двумя полюсами – риторикой и философией. Отношения названных культурных идеалов менялись: иногда между ними шла жестокая борьба, иногда намечалось примирение, но борьба никогда не заканчивалась победой одного из них, а примирение не превращалось в слияние обоих" [2, с. 10]. Из новейших исследований выделяется книга Б. Кассен "Эффект софистики", в которой содержится – как сказано в аннотации к русскому переводу – "исчерпывающий анализ всех этапов интеллектуального движения софистов, выполненный с применением как традиционных историко-философских приёмов, так и с учётом перспектив, открываемых современными течениями европейской философии. Софистика при этом предстаёт не побочной ветвью магистрального течения европейской философии, но равноценной стороной в истории мысли, имеющей немало преимуществ перед общепризнанными видами рефлексии" [3, с. 4]. Б.Кассен выявляет множественность составляющих (по её выражению – "операторов"), участвующих в построении античной мыслеформы, (*и* миф, *и* софистика, *и* философия, *и* риторика). Хотя они и стремятся предстать через взаимопоглощение своеобразной итерацией, в конечном счёте, задаваемой софистическим модусом ("эффектом софистики") [3, с. 5-15].

Немаловажно учесть, что названные реконструкции принадлежат ко второй половине XX века – времени, обозначенном началом глобальных и нетрадиционных перемен. Прямо или косвенно они демонстрировали невозможность рефлексировать прямую и обратную культурные перспективы глобализации и нетрадиционности с помощью схем иерархии и последовательности – у глобуса нет "верха" и "низа", а "нет" не следует за "да". (Постмодернизм пошел ещё дальше, заговорив о "децентрации" и "выходе за пределы бинарных оппозиций".) Со всем не случайно стремящееся оставаться в пределах "искусства возможного" современное политическое действие также декларирует "многополярность" или "многополность".

Автор хотел бы ограничиться здесь простым указанием на далеко не маргинальные исследования, наличия хотя бы одного из них было бы достаточно для осознания возникновения ситуации фальсификации принятого и растиражированного мнения о том, что, образно говоря, европейская цивилизованная и культурная история началась с колыбели, из которой, самый сильный и умный младенец, именованный "Философ", вытолкнул других своих братьев и сестёр с именами "Миф", "Софистика", "Риторика", а впоследствии просто принимал облики "служанки Теологии", "Науки", "Софиологии" и др..

Уточним, что речь идёт не о фальсификации философии, её природы, собственной истории или её предмета. В отношении к этим понятиям такую процедуру вряд ли можно применить, так как современное понимание пришло к утверждению о совершенной неверифицируемости, непрозрачности и нетранслируемости философии. "Вообще в каком-то смысле понятие и термин "развитие философии" бессмыслен, потому что речь идёт о чередовании личностных типов философствования в их объективном отношении к сознательной жизни, символизму и культуре" [4, с. 193].

Принятие постнеклассической позиции культурного гуманитарного мышления производится через применение процедуры фальсификации принятого прежде *положения* философии, в согласии с которым она была возведена в статус парадигмы (как образца и как примера). Именно с её историческими воплощениями (приближениями в плане подчинения образцу и приведениями к примеру древнегреческой философии) привычно было связывать секуляризованные и светски-эмансипированные формы обретения и восприятия гуманитарно, в исходном (ренессансном) смысле, классически ориентированной рациональности. Добавление слов в скобках продиктовано стремлением автора к более членораздельному выражению полисемантики имени "парадигма". Это древнегреческое слово можно переводить

как "образец" и как "пример"; лингвистически ему задано значение "системы форм одного и того же слова, представленной в виде таблицы", а ситуации аргументации его предписано принимать в качестве "примера из истории, взятого для доказательства, сравнения" [5]. Эти семантические тонкости нельзя не учитывать, так в противном случае достаточно трудно не впасть в терминологическую западню и не произвести для себя и других эффект номинации "смены парадигмы философии" с пафосным её ничтожением через требование "радикально сменить название, стать философией новой риторики" [6, с. 150].

Процедуру удержания напряжённости семантического поля термина "парадигма" принципиально важно выполнять, так как он применяется теперь к очень сложному метаэпистемному описанию, в котором почти невозможно избежать провокаций выстраивания перформативных выражений, возникающих из-за отсутствия более или менее отчётливого приёма сознательного, не говоря уже о рациональном, отслеживания *перехода* значения в означение. Кстати, на скептическом и циническом педалировании ситуации "до сих пор ненахождения" этого приёма, в общем, и построен постмодерн.

При выполнении названной процедуры оказывается возможным схватывать смысл "парадигмы" (держать слово) в пределах его собственных пульсаций, не позволяя ему замкнуться полюсами своих значений ("пример – образец") и слиться с формами своего семиозиса ("лингвистическая таблица – пример из истории/доказательство/сравнение").

В интересующем нас отношении следует говорить не о смене парадигм философии и риторики (сопровождая это высказывание софистическими подстановками "замена философии риторикой", "философская риторика", "риторическая философия"), а о переопределении значений термина "парадигма" в пределах действия его семантического поля. Ничто не препятствует современному мыслящему человеку парадигматически избрать того же Канта в качестве примера *по-философски* мыслящего человека, как, впрочем – и *мифориторически* мыслящего. Но, конечно, вряд ли сегодня можно корректно помыслить философию как таковую в форме "образца готового слова". А такому осмыслению не смог воспротивиться даже Кант [1, с. 315-316].

Призвав философию к служению разуму, "запутавшемуся в вопросах веры", ранняя классика на сравнительно короткий период спровоцировала второе, после античности, появление риторики (как примера-образца не "готового (сакраментального) слова"). На авансцену разыгрывавшегося в западноевропейской истории представления о герменевтическом опровержении и ниспровержении церковных авторитетов тогда первой вышла протестантская риторика [7].

В то же самое время ранняя классика, обратившись к античности как своему идеалу, восприняла риторику, по сути, как свою метадисциплину (как пример-образец "готового (философского) слова").

Свежий взгляд классики на античность, ещё не совсем приобретший атеистическую ясность и расколдовывающую силу, задерживался дольше и чаще на Платоне. А где Платон, там идея блага и бескорыстное, чисто эротическое отношение к истине. Отсюда – "*филологос*", сочленение, заданное по образцу философии. К тому же сама человеческая фигура филолога непосредственно презентировала гуманиста-учителя, не прагматически и не догматически доносящего истину до ученика.

Известно, что слово "гуманист" позаимствовано итальянским Возрождением у Цицерона и означало у великого оратора "возрождение человека". Только в XIX веке этот термин вошёл в научный словарь, а поначалу итальянцы XV века использовали его для называния учителей, приглашаемых к общему воспитанию и образованию юношества. Основой этой педагогической работы была античная классика, т.е. попросту чтение, разбор и комментирование древних письменных текстов, многие из которых были апокрифами по причинам церковного запрета или неизвестности автора. Собственно, с филологическим открытием философии, в осуществлении которого гуманист становился филологом и в результате которого филолог предстал в образе (образцом и примером) гуманиста, и следует герменевтически связывать философскую новизну ренессансного гуманизма.

С.С. Аверинцев, отмечая влияние риторики на судьбы античного рационализма, отметил: "Воскрешение" риторики как подхода к литературе возможно в сугубо узких академиче-

ских рамках. О будущем культурном синтезе, когда мы, не возвращаясь к риторическому прошлому, сумели бы полноценно, с выходами в практику, оценить его здравые резоны, пока можно только гадать" [8, с. 136]. Причём, это было сказано спустя двадцать лет после того, как вошла в обращение и уже успела стать научным бестселлером "Общая риторика" льежской "группы μ ". Льежцы смогли продемонстрировать не только литературоведческий подход, ибо непосредственным предметом их рассмотрения была поэзия, но и наполнить свою работу экстраполяциями модернизированных и компилированных методов старой риторики на области исследования таких образующих культуру явлений, как театр, кинематограф, живопись [9].

К началу 90-х годов прошлого века культурологи, философы, логики, лингвисты, особенно те из них, кто исповедовал явно или неявно структуралистские (как, например, М. Фуко или Р. Барт) и постмодернистские (Ж. Деррида или П. де Ман) взгляды, широко и масштабно применили к исследованию языка, его различных формирований и объективированных структур так называемые дискурсивные практики. Последние были, с одной стороны, если учесть их косвенные или прямо выраженные признаки и авторские отсылки, практиками нейтрально ("ризомо") интеллектуальной экспликации и импликации методологических провокаций "Новой риторики" Х. Перельмана. С другой – они были своеобразными "курсовыми практическими работами" семинаристов, посещавших, в прямом и переносном смысле, знаменитый семинар А. Кожева. Вряд ли можно не считать с тем фактом, что многие из видных постмодернистов и их предшественников прошли очно или заочно через семинар А. Кожева, посвящённый чтению одного из самых "тёмных" философских произведений, когда-либо написанных, – "Феноменологии духа" Гегеля. На этом семинаре А. Кожев, собственно, впервые и продемонстрировал *дискурсию* и её возможности [10]. (Вслед за утверждённым можно заметить, что западноевропейская гуманитарная классика образовывалась *чтением* древнегреческих апокрифов, а постнеоклассика образовывалась *чтением* гегелевской феноменологии и – надо добавить для продолжения замечания – *слушанием* хайдеггеровских лекций по введению в метафизику. Наконец, и это также показательно, отечественная позднесоветская неофициальная гуманитаристика образовывалась *чтением* солженицынского Архипелага и *слушанием* мамардашвилиевских лекций о Декарте).

Неориторика к моменту опубликования статьи авторитетнейшего отечественного классического филолога С.С. Аверинцева представляла собой внушительный по своему составу и центростремительно расширявшийся комплекс уже далеко не маргинальных штудий, как о них можно было судить с позиций различных сложившихся факультетов науки (вспомним о понятии "факультет философии" М. Мамардашвили). Аргументативная риторика (Х. Перельман), метариторика (Р. Барт, Цв. Тодоров), общая риторика (прежде всего французская "группа μ "), неформальная логика (Дж. Остин) явно дисциплинарно заявили о себе. Их изучали, преподавали, предметно обсуждали, применяли их предложения в спецификациях разных аспектов существования индивида и социума, их культурных, цивилизационных, исторических, футурологически мыслимых состояний. Вне зависимости от тех или иных, хотя и весьма "внутри текста" значимых положений, к этому комплексу принадлежала и оригинальная "философия поступка" М.М. Бахтина. И.В. Пешков имел веские основания перефразировать это бахтинское выражение в "риторику поступка" [6, с. 68-87].

Объяснение такому категорическому (в плане утверждения академизма риторики) и проблематическому (в плане сомнения в потенции риторики к культурному синтезу) высказыванию С.С. Аверинцева может быть найдено в том, что, принадлежа традиции классической филологии и неся её своим творческим вдохновением, он должен был утверждать её действенность в пределах доступного человеку разумного обустройства культуры. Классическим образом выстраиваемое суждение, как и транслирующее этот образ суждение, находит и объявляет риторику филологической дисциплиной. Тем самым оно ранжирует её в зоне подчинения философии как парадигме культурного синтеза. Но без философии? *Что* тогда риторика? Она ведь сугубо формальная дисциплина, дисциплина фигуративной словесности. Разве можно подчинить, буквально впихнуть живое тело культуры в формы иерархий топосов, гомилетики, хрии, речевых жанров, как бы их теперь ни переименовать? Да и где они жи-

вые ораторы или гомилеты? О них можно только вспоминать и мечтать, как об античности. Вокруг другая, далеко не античная реальность.

Приблизительно такой вопросно-ответной цепочкой можно, по нашему мнению, реконструировать ход рассуждений, приведших С.С. Аверинцева к своему обобщению современных и постсовременных перспектив риторики. О том, какой он был на самом деле, можно только догадываться. Уважаемый академик никаким явным прописанным способом его не выразил, просто поставил это высказывание в самый конец своей статьи и сделал ссылку на попытку воскресить термин "риторика" у немецких формалистов 10 – 20-х годов XX в. [8, с. 136,145].

Декларация о приоритетном и триумфальном возвращении в современность многими воспринимается как свидетельство если не торжества, то, по крайней мере, начала реального продвижения культуры и настоящего культурного дискурса к торжеству гуманистического обустройства "жизненного мира" человека. Но является ли риторика "культурогемой" или "культурным кодом" (по У. Эко)? Может ли она выступить человеческим конструктором культуры во всех её возможных гуманизирующих Природу проявлениях или оказывается непреходящим деконструктором (по Ж. Деррида) исторических форм культуры (философии, религии, искусства), позволяющим каждый раз лишь убеждаться в их эпифинальности, прорисовывающей неизбежно агонизирующего человека для того, кто оказывается в конце человеческой истории?

Невозможно не ставить так радикально эти вопросы. Тем более игнорировать их постановку, что, к сожалению, типично для отечественных оптимистических инсталляций риторики, попросту полагающих возможным не считаться с постмодернистским опытом её нахождения. Тогда как, в принципе, сегодня "вывести риторику" в рамках любого другого, кроме постмодернистского, рассуждения вряд ли возможно. Любое другое рассуждение принимает за "риторику" её реальное или номинальное формальное определение, т.е. пытается дефинировать её чисто классическим способом или способами, находимыми в режимах его инерционного культурного действия.

Инерция же классической традиции также пытается представить риторику вслед за философией в качестве филологической или металингвистической научной дисциплины. Однако классический образ мышления, обращенного к природе, к естественному человеку, расцвеченный пафосом гуманизма, потерял свою собранность на основаниях служения науке, той науке, которую можно было олицетворять в образе "храма истины". Науке давно уже не служат, ей не занимаются любопытства ради или из удивления перед мирозданием. Тем более наукой не занимаются под давлением этических императивов. От неё даже не так, как прежде, ожидают открытий. После повсеместного применения уже сделанных ею открытий и в переживании угроз их ожидаемых глобальных последствий вряд ли можно, оставаясь в здравом рассудке, ожидать новейших научных достижений без опаски. Место науки давно уже располагается на рынке; она стала производством, предприятием, бизнес-проектом, государственным заказом. От неё ждут эффективных и прибыльных технологий. Было бы по меньшей мере наивно в этих условиях по-прежнему воспринимать филологию, как занятие, мотивируемое любовью к логосу. Скорее верно, что современная филология – это сохраняющий своё название раздел языковедения, но несущий свой новый актуальный смысл: – *отдел ведомства, в ведении которого находится язык*, отдел, который отвечает за его производство, складирование и реализацию, а, в соответствии с требованиями настоящего момента, – и за его экологию.

Можно было бы, но небезопасно и ошибочно мыслить тотальную бюрократизацию человеческой жизнедеятельности лишь метафорически. Она – ежедневно наблюдаемый и переживаемый факт окружающей действительности и здравого её осознания. А любое, даже кратковременное, усилие к философской рефлексии современного высоко цивилизованного положения человека в мире задаёт необходимость применения чего-то наподобие дополнительного онтологического модуля – модуля, который можно было бы назвать, пользуясь философской терминологией, *онто(бюро)кратическим*. Поэтому риторику, "при её новом рождении", можно лишь прописать по филологическому ведомству, нанятые и назначенные работники которого должны быть квалифицированы как *фило(бюро)краты* разных категорий.

Само собой разумеется, такой способ институализации риторики не придаст ей желанного традиционного гуманитарного смысла. Скорее, наоборот, она получит статус формы (=фирмы) "методологического принуждения" и "безличностного знания", если принять к убеждению тематизации науки П. Фейерабендом и М. Полани и их аргументации [11].

Во второй половине XX века постмодернистское движение произвело тотализированное заключение о риторике как генерализированной форме дискурса.

Поскольку сам дискурс, как только он *начинается* и пока он не *заканчивается* принципиально не антиномичен (или, по-постмодернистски, всегда располагается вне "бинарных оппозиций"), постольку он позволяет избежать какой бы то ни было онтологической иллюзии человеческого "выхождения за пределы", в том числе и за предел своей "укоренённости в языке". "Речь", которую мы так освободительно себе представляем, прежде всего нас и *репрессирует*. "Самоналичие голоса и "слышания собственной речи" прячет от нас ту самую вещь, которую ставит перед нами пространство зримого. ...Единственный способ интериоризации явления – это преобразование его в феномен звука. ...Сокрытость наличия в форме предмета, бытия очевидного, бытия подручного устанавливает в самом (перво)начале речи особого рода условность или даже ложь. ...Что же касается ратора, то он имеет доступ к объективной истине, обличает заблуждение, рассуждает о страстях – но лишь потому, что он лишился живой истины (перво)начала" [12, с. 417, 464].

Фигура ратора возникает, чтобы восполнить этот принудительный разрыв "слова" и "вещи" как только задаётся ситуация "обработки людей людьми". А так как такая ситуация может быть задана лишь во внешнем восприятии "другого" и его "речи", то пролонгируется и тут же провоцируется возможность как бы возврата к истине "вещи-для-другого". Его порядок слов может соответствовать или не соответствовать мною видимому порядку вещей. Т.е. его речь может быть "истинной" или "ложной", "правильной" или "неправильной". Понятно, что такая возможность – чисто метафорическая (что не исключает взаимозамены: "феноменологическая" или "трансцендентальная"). Однако установившиеся в речи действия замещения предмета его словесными знаками невозвращаемы в зону предметных соотносённостей. В противном случае речь была бы дублированным отзвуком природного порядка, а не отделяла человека от природы. "Затем эти действия могут повторить или расчислить ритор или писатель. Промежуток, отделяющий нас от этой возможности повторения, отделяет в истории метафоры дикость от цивилизованности" [Там же, с. 463].

Риторика, исходя из демонстрации постмодернистской дискурсивной практики её самонахождения, – это аподиктически появляющаяся *дисциплина*, призванная удерживать человека в цивилизации как положении *невозвращения к дикости*. Призывом к осознанию этого положения звучат слова У. Эко о "благоразумном обращении к риторике". К тому же У. Эко указывает на то, что цивилизованный образ жизни исторически учреждается в *серии идеологий* (пусть даже и разворачивающихся перед умственным взором специалиста-исследователя "движение семиозиса"). "Идеология есть последняя коннотация всей совокупности коннотаций, связанных как с самим знаком, так и с контекстом его употребления" [13, с.140].

Приходя к идее главенства риторики, через исследования М. Фуко об "археологии гуманитарных наук" и Ж. Деррида о роли письменности, постмодерн стремится убедить и в том, что *всякое специально-профессиональное обращение к слову* есть лишь вуалирование безудержного стремления власти к манипуляции и изменению исконного человеческого начала, оканчивающегося в конце концов его деградацией.

Очевидно, что акцент на риторике, как и многие другие постмодернистские контрапункты, определяется указанием не на возвращение к "человекоразмерной" древнегреческой софистике или идеалам просвещенческого гуманизма. С точки зрения постмодерна современность лишь дописывает нищевский диагноз. После смерти Бога умер и человек. От последнего остался только "след", "цитата", "архив". И, следовательно, тот, кто что-то обнаруживает в "археологии гуманитарных наук", - это "постчеловек", для которого только и может быть актуальной "проблема человека".

Демонстрация заинтересованно и страстно выполненных образцов постмодернистской дискурсии во многом позволила убедиться в высвечивании современностью черт такой

гуманитарной ситуации, которая устанавливается на основаниях нетрадиционного мышления и действия. Участвуя в современном "конфликте интерпретаций" этих черт постмодерн заостряет среди них такую, как прихождение к метаэпистемологическому учреждению риторики не столько в форме разысканий в "археологии гуманитарных наук" (М. Фуко), сколько в форме, порождающей, организующей и исчерпывающей идеологизированную, документированную и стремящуюся к кодификации рациональность.

Однако, желая оставаться лишь в пределах "контрфилософского дискурса" и произвести в нём лишь нейтрализацию или хотя бы ограничение философского логоцентристского действия, постмодернистски позиционированное размышление оставляет только намёк на перспективу установления неопарадигматической связи риторики с информатикой. Время же, прошедшее с момента опубликования в 1967 г. "Грамматологии" Ж. Деррида, в которой он прибегнул к характеристике теории *врождённости* как *виртуальности* и обратился к её необходимости в "качестве организующего начала", заставляющего "мыслить природу не как нечто данное, актуально наличное, но как некий *запас*" [12, с.345], всё больше побуждает к прорисовыванию такой перспективы.

Для непосвящённого в детали построения риторического акта читателя здесь надо, наверное, указать, что согласно фундаментальной позиции риторики, определённой ещё в античности, первым источником красноречия является "природное дарование". Но, кроме виртуализованного и виртуального, какое природное дарование и в каком смысле "природное дарование" мы принуждены находить, имея в виду практическую ориентацию на стремительно разворачивающийся процесс становления информационного общественного устройства?

Сегодняшние коннотации самых разных вещей и их положений к первой машине, управляющим звеном которой является компьютерное устройство, производят в современном мышлении "компьютерную метафору". Попав в калейдоскоп массового сознания, она, в отличие от многих других логотипов массовой культуры, демонстрирует все больше свое приоритетное пафосологическое и этологическое положение.

Любое рациональное осознание феномена компьютера чрезвычайно сложно, так как это явление уникально. Вместе с тем, рассмотрение ситуации амплификации идеи компьютера в различных областях чрезвычайно актуально, так как именно она, прежде всего, достаточно откровенно свидетельствует о начале радикального пересмотра оснований традиционного и нетрадиционного выражений человеком своего онтологического статуса. "Компьютер" для сегодняшнего цивилизованного, публичного человека – это практически то же самое, что категории Аристотеля для предшествующих поколений. И Вселенная, и социум, и сам человек в различных их состояниях легко ассоциируются, коннотируются и сигнифицируются как компьютерные устройства с соответствующими частями, процессами, эффектами, отношениями и пр.

Среди множества обращений к компьютерной метафоре наиболее интенсивными являются обращения в контекстах неклассических антропоцентристских и футурологических рассуждений, продуцирующие современные прагматические программы анализа сознания. Среди них выделяются так называемые инструментальные программы, наиболее перспективной среди которых считается "искусственный интеллект". Основное допущение, предполагаемое этой программой, задает термину "сознание" значение "личного компьютера". Сознание интерпретируется в пределах денотаций возможного формального объекта, пригодного к описанию в терминах теории информации и соответствующему модельному анализу и проектированию. Сопутствующая форматная интерпретация всего состава формальных представлений о человеческом индивиде позволит, как предполагается, найти и его искомую оптимальную интеграцию в гуманитарное сообщество, функционирующее в тех или иных информационных средах.

Вытекающие из этого практические следствия пока трудно представимы. Но совсем нельзя исключить среди них дальнейшего и резкого возрастания угрозы естественной телесности человека, которую очевидным образом и за очень короткое историческое время уже создала цивилизация. Нынешние откровенно прагмарациональные денотации "компьютерной метафоры" – фигуры, как раз и образующейся методом риторического восприятия дей-

ствительности – могут спровоцировать к тому же невозполнимую потерю человеком своего духовного склада.

Дополнительным и значительно увеличивающим шансы риторике перспективизироваться предпочтительно в формах информационного (воз)действия является сам факт наличия таких принципиально новых и нетрадиционных средств влияния на аудитории, как компьютерные технологии и информационные системы. Они уже не могут не восприниматься в качестве перспективных и безусловно эффективных инструментальных средств осуществления "процедуры убеждения". Таковая, если следовать выполненному и находимому в доклассике, классике и постнеклассике (у Горгия, Стагирита, Перельмана, Эко и др.) определению, есть именно *риторическое действие*. Применение риторического действия, целью которого является продуцирование аудитории, в совершенно необычных условиях своей глобально-пространственной и визуально-наглядной осуществяемости, безусловно, многократно усиливает потенциал оратора. Можно представить, к каким деструкциям общественного сознания и действия может привести "владение ораторским искусством" в условиях повсеместного и повседневного использования развитых орудий информационного общества. Уже сегодня Интернет проявляет не только и не столько свои свойства инструментальной развивающей "диалоговой системы", сколько свойства инструментальной психоделики и ментального терроризма.

Ни для кого также не является секретом, что уже к настоящему моменту использование инструментов привычных массмедиа значительно усилило продуцирующие свойства политической трибуны. И именно риторика предметно предписывает себе к формальному обслуживанию сферу принятия политических, а, в конечном счёте – и всю совокупность социальных, решений. С её точки зрения формально корректным выглядит, например, допущение о том, что все разговоры о завораживающих перспективах компьютерных технологий и информационного общества являются ни чем иным, как раскрученной пиар-акцией, ждущей своего звёздного часа компьютерной элиты. Но вряд ли удастся современному ритору ограничиться и в этом случае неклассически строящимся гуманитарным утверждением, лишь процедурно применяющим ницшевское "воление к власти". Так как оно остается, даже по допущению богохульной фантазмагии "смерти Бога", утверждением, остающимся верным постольку, поскольку существует *только* человек. Можно было бы поверить в безусловную силу власти будущей компьютерной элиты и её беззаветную приверженность принципам экологии человека, но самую возможность безусловного существования этой элиты приходится ставить под сомнение. Её элитарное могущество определяется её предельно использованными возможностями к нахождению и утверждению всех возможных способов комфортного (в целях облегчения жизни и избавления от страданий – а как же иначе?!) замещения *человеком* самоё себя. В пределах формального представления о тиражировании, копировании, клонировании это может даже вдохновлять, так как, в конце концов, обещает практическую реализацию идеи бессмертия или, по меньшей мере, решения проблемы сокращения рождаемости, старения и генетического дряхления населения. В пределах другого, также формального и современного, представления элиты должны смениться. Какая элита может сменить ту, которая проведёт тотальную политику нахождения и утверждения всех возможных способов замещения *человеком* самоё себя? О наиболее вероятном ответе на этот вопрос осведомлён любой человек, более или менее знакомый с голливудской продукцией. Так или иначе, все имеют информацию, о какой перспективе заходит речь, и – предшествующее формальное представление входит в противоречие с последующим.

Сократ, находясь в своей ситуации античного полиса, мог ограничиться чисто иронической философической диалектикой и квалифицировать риторику как презираемую философией форму произвольного сочленения "технэ" и "логоса". Носитель классической рациональности мог позволить себе роскошь обладания ею как высокой литературой или филологической теорией стилей и вообще почти что забыть о ней. Мы же, обнаруживая себя в окружении совсем не тривиальных технологических агрегатов, к тому же готовящихся не то к размножению, не то к неведомой агрегации и прививке искусственного интеллекта, не можем оставить вне существенного осознания то, что инструментально-интеллектуальное со-

единения "технэ" и "логоса" принципиально не смогут работать в сфере "гнозиса". Они (вос)требуют "технозиса" как своей оболочки. При здравой оценке перспектив нашего нынешнего положения не приходится сомневаться в перспективе расширения оболочки "технозиса" и сжатия сферы "гнозиса". Останется ли эта сфера независимой, активирующей и контролирующей процесс экстраполяций и интраполяций "технозиса"? Ведь уже сейчас подавляющее число людей пользуется компьютерами бездумно, в принципе ничего в них не понимая, и, в то же время, всё больше проявляя неспособность без них обойтись.

Современные разработчики искусственного интеллекта прямо и безапелляционно говорят, что инструментально-интеллектуальные устройства как раз и предназначены и неизбежно будут работать в режиме обязательного замещения (!) человека в тех областях, применительно к которым он построил или построит их научные формально-выполненные понимания и описания. Неориторика, не ставя своей задачей исследование мотивов, мыслей, идей, которые стоят за взаимосвязью тех или иных произнесённых или написанных утверждений и только предполагая разумность тех, кто её воспринимает в пределах ею же утверждаемых формальных процедур и правил аргументации (в искомом идеале приведённых к неформально логически построенным алгоритмам), всё более тенденциозно оказывается связанной с эволюцией "технозиса". Так как там, где человек что-то понял, перспективой развития информационного социального устройства определяется предназначенное место компьютера. В видимой перспективе сужения пространства "гнозиса" (как "области непонимания") нельзя не просматривать и ограничение сферы человеческого участия в принятии решений – как раз той сферы, на монополизацию которой настаивала как старая, так и, в особенности, настаивает новая риторика.

Риторика с момента своего так называемого "первого рождения" имела амбицию на приоритетный статус организатора мыследействия и главного оператора онтологических положений. Достаточно указать на известный и документированный Платоном факт чрезвычайного сократовского сопротивления Горгию и Лисию. Новейшие текстологические и постаналитические исследования, выполненные в пределах возможно более удерживаемого нейтралитета по отношению к философии, с одной стороны, и софистике и риторике – с другой, позволяют увидеть, на какие тончайшие дистинкции и даже софистические действия пошёл Стагирит, чтобы знаменитое парменидовское утверждение о бытии и небытии не оказалось прямо отождествлённым Горгием с любым способом его выражения и восприятия. Великий софист и ритор манифестировал тотальность (единое) речи и действия не только в сфере логоса, но и онтоса.

Благодаря аристотелевскому усилию речи был отчётливо приписан ряд гомологических и номологических статусов в круге "логологии" (термин, заимствованный у Новалиса и использованный Б. Кассен). Тем самым интериоризация риторического действия ограничивалась и определялась *вне* и *до* границ онтологии [3, с. 35-39]. Если Платон вообще отказывал речи и, в особенности, письменности в какой бы то ни было находимости вне своего эйдологического варианта онтологии ("говорить = говорить сущее"), то его знаменитый ученик, придав речевому действию модусы денотативности и экзистенциальности, лишил таким образом Горгия и его приверженцев и последователей качества владения речью как демиургическим инструментом. Но зато тем же самым образом он обеспечил риторике *свободный выход* к бытию, как наличному так и мысленно возможному в *пределах присутствия человеческих аудиторий и их восприятий* ("говорить = говорить слова, а не сущности").

Для ратора речь это всегда "*речедействие*" с соответствующими ему ожидаемыми эффектами. Обычно в образе таковых представляются некие "конкретные и зримые результаты", чаще всего ассоциируемые с "поступком". Речь произносится = поступок совершается. Изменяется положение вещей, т.е. производится новый порядок бытия.

Но если современная риторика принимает человека только через отнесение к "топосу", "общему месту" разумности и в форме своей излюбленной "фигуры метафоры" с виртуальной коннотацией к компьютеру, а сама стремится парадигмизировать свой культурный статус в значении "таблицы" ("матрицы") для диспозиции рациональной операции по созданию формульных текстов, то тогда она принуждает признать себя парадигматической дис-

циплиной, задающей условия для совершения таких человеческих поступков, смыслом которых следует признать создание компьютеров. Ведь создание компьютера это очевидный человеческий поступок, наполненный постнеогуманитарным логосом, пафосом и этосом.

Abstract. Rhetoric as post-neohumanitarian paradigm is considered in the paper.

Литература

1. Античность как тип культуры. М., 1988.
2. Гаспаров, М.Л. Цицерон и античная риторика // Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972.
3. Кассен, Б. Эффект софистики / Б. Кассен. – М.–СПб., 2000.
4. Мамардашвили, М.К. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке / М.К. Мамардашвили, А.М. Пятигорский. – М., 1997.
5. См.: Словарь иностранных слов. М., 1982.
6. Пешков, И.В. Введение в риторику поступка / И.В. Пешков. – М., 1998.
7. См.: Гадамер Г.-Г. Риторика и герменевтика // Г.-Г. Гадамер. Актуальность прекрасного. – М., 1991.
8. Аверинцев, С.С. Античная риторика и судьбы античного рационализма // С.С. Аверинцев. Риторика и истоки европейской литературной традиции. – М., 1996.
9. См.: Дюбуа, Ж. и др. Общая риторика / Ж. Дюбуа. – М., 1986.
10. См.: Кожев, А. Введение в чтение Гегеля / А. Кожев. – СПб., 2003.
11. См.: Фейерабенд, П. Против методологического принуждения. Очерк анархистской теории познания. Благовещенск, 1998; М. Полани Личностное знание. На пути к посткритической философии. Благовещенск, 1998.
12. Деррида, Ж. О грамματοлогии / Ж. Деррида. – М., 2000.
13. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – СПб., 2004.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 12.06.07